

О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ И. П. ПАВЛОВА

Ю. Ю. Новиков

Институт Русского предпринимательства, Москва

On Social Political Views of I. P. Pavlov

Yu. Yu. Novikov

Institute of Russian Business Enterprising, Moscow

В статье рассматриваются истоки и эволюция научных, социально-политических взглядов лауреата Нобелевской премии И. П. Павлова.

Sources and evolution of Nobel Prize Laureate Pavlov's scientific, social and political views are considered in the paper.

Великий отечественный физиолог, первый российский Нобелевский лауреат Иван Петрович Павлов (1849—1936), всецело охваченный научной, педагогической и научно-организационной деятельностью, не был чисто «кабинетным затворником». Он всегда живо интересовался и откликался на общественные процессы, хотя активной политической деятельностью никогда не занимался.

Истоки социально-политических взглядов И. П. Павлова были связаны с его юношеским увлечением публикациями революционных демократов 1860-х гг. В 30 лет Иван Павлов находил много общего между собой и нигилистом Иваном Карамазовым, со временем же в его общественном мировоззрении стала доминировать мораль, исповедуемая Алексеем Карамазовым: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация». Павлов видел главные жизненные начала в нравственном укладе, в святости моральных устоев, любви к Родине, ближнему, и к своему делу. Это не мешало ему оставаться в повседневной жизни подлинным демократом и поборником справедливости. Так, например, в ущерб личному преуспеянию, И. П. Павлов, будучи руководителем кафедры, пошёл на конфронтацию с начальником Военно-медицинской академии В. В. Пашутиным, который из внимательного и вдумчивого коллеги превратился в жёсткого, властного тирана.

Как истинному стороннику свободы и в научном, и в общечеловеческом понимании Ивану Петровичу было чуждо чиновничество, глубоко укоренившееся в России не только в административных, но и в научных и университетских кругах. Характерно, что, интересуясь особенностями И. П. Павлова, перед вручением ему Нобелевской премии шведский король в разговоре с племянником А. Нобеля, от которого узнал, что Иван Петрович не носит мундира и орденов, шутливо заметил: «Я уже начал бояться Вашего Павлова — он же социалист».

И. П. Павлов остро и эмоционально реагировал на происходящие в России события и считал, что в стране должен быть более справедливый социальный строй. Потрясённый поражением России в войне с Японией, Павлов принял участие в организации оппозиции профессоров, которая выразилась в публикации «Записки 342-х». Этот документ, остро критикующий самодержавную власть, подписало 342 российских учёных, в том числе 17 академиков Санкт-Петербургской академии наук, среди которых один из учителей И. П. Павлова — В. Ф. Овсянников. Они требовали коренных изменений государственного строя посредством радикальных реформ и полного обновления административной власти и, прежде всего в сфере образования и науки.

Очень обстоятельно о рациональной роли государства в жизни общества И. П. Павлов выступил в ноябре 1907 г. на заседании Медицинского общества Санкт-Петербурга в связи с 25-летием смерти Н. И. Пирогова. Характеризуя научную, педагогическую и общественную деятельность своего предшественника, он поставил вопрос о взаимоотношениях между обществом и государством и об отношении государства к своим выдающимся людям. Сила и достоинство государства определяются не случайными настроениями масс, а деятельностью его наиболее талантливых представителей. Возвращаясь к оценке личности Пирогова, он сказал: «Мы имеем великого человека, великий образец, который показывает нам, как надо жить, что можно делать и что должно делать».

В 1913 г. после студенческих волнений военный министр приказал уволить из Военно-медицинской академии полторы тысячи слушателей. И. П. Павлов и ещё четверо профессоров академии заявили резкий протест, в результате исключены были только зачинщики волнений.

В январе 1916 г. И. П. Павлов выступил на III съезде по экспериментальной педагогике с докладом «Ре-

флекс цели». В этом докладе он впервые связал свои научные результаты с общественным положением страны. Оглядываясь на политическую ситуацию, Павлов с горечью говорил об «исторически загнанном на русской почве рефлексе цели» и высказывал свою мечту о том времени, когда подавленный у русского человека «рефлекс цели», то есть целеустремлённая воля, энергия, страсть к работе освободится от векового гнёта и «мы сделаемся тем, чем мы должны и можем быть, судя по многим эпизодам нашей исторической жизни и по некоторым взмахам нашей творческой силы».

Февральскую революцию 1917 г. И. П. Павлов встретил неоднозначно. С одной стороны, и об этом свидетельствуют воспоминания его жены Серафимы Васильевны Павловой, он считал неуместным революционный переворот во время войны, с другой — считал её освобождением от гнёта несостоятельного самодержавия. 28 марта 1917 г. в Высшем женском медицинском институте состоялось организационное собрание общества «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук», которое создавалось по инициативе А. М. Горького, В. И. Вернадского, И. П. Бородина, А. С. Фаминина и других известных деятелей науки и культуры. После выступления Горького был зачитан доклад Павлова, в котором говорилось: «Россия переживает сейчас трепетный период освобождения, период свободных рук: делай из себя что хочешь и что можешь. Но сейчас же неотложно всем нам нужно быть проникнутым беспрестанным сознанием, что после того, как рухнуло — и так легко — совершенно прогнившее здание старого государственного порядка, на всех нас легла подавляющая своею грандиозностью, даже устрашающая задача — заложить правильные, безошибочные основы нового здания справедливой, счастливой и сильной России».

В мае 1917 г. Павлов выступил в Петроградском биологическом обществе с докладом «Рефлекс свободы», подготовленном по результатам экспериментов совместно с диссертантом М. М. Губергрицем в 1916 г. В этом докладе Иван Петрович также интерпретировал научные результаты во взаимосвязи с социальными моментами: «Конечно, рефлекс свободы есть общее свойство, общая реакция животных, один из важнейших прирождённых рефлексов. ... Нет никакого сомнения, что систематическое изучение фонда прирождённых реакций животного чрезвычайно будет способствовать пониманию нас самих и развитию в нас способности к личному самоуправлению».

Октябрьскую революцию 1917 г. Иван Петрович воспринял как сильное и глубокое потрясение. По свидетельству его ученика Б. П. Бабкина, впоследствии эмигрировавшего в США, И. П. Павлов считал большевистскую революцию огромным несчастьем для России. К тому же негативизм к новой власти вызывали определённые личные обстоятельства. Младший сын И. П. Павлова Всеволод, призванный в царскую армию, оказался за границей в составе экспедиционного корпуса (только

в конце 1920-х гг. Иван Петрович сумел добиться его возвращения, но при этом он находился под надзором ОГПУ). Другой сын, тоже офицер, Виктор, по дошедшим до Павлова слухам был по дороге на юг с целью участия в биологической экспедиции расстрелян красногвардейцами (однако позже выяснилось, что он умер от тифа). Под влиянием этих обстоятельств у Ивана Петровича существенно стала проявляться усвоенная с детства религиозность (ведь он вырос в семье священника), которая в данных условиях носила протестный характер. Теперь Павлов стал нарочито креститься на каждую церковь, моля Бога избавить Россию от большевиков. Протестным в поведении Ивана Петровича был и тот факт, что он стал демонстративно появлялся на улице и в общественных местах, надев многочисленные царские награды, которые никогда не носил раньше.

Однако, хотя И. П. Павлов не принял большевистские преобразования, он продолжал самоотверженно работать в учреждениях, подвластных большевикам. В частности, преподавать физиологию в Военно-медицинской академии служащим которой он стал со дня её образования в феврале 1918 г., о чём свидетельствует послужной список Павлова советского периода. По инициативе Ивана Петровича и ещё нескольких профессоров Военно-медицинская академия в лице своей конференции (учёного совета) выступила с критикой новой власти, осудив в своём воззвании «постыдный и непрочный» Брестский мир.

По мере развязывания Гражданской войны жизнь учёных, в том числе И. П. Павлова, становилась невыносимой, поскольку правительство почти не выделяло средств на их содержание. Несколько раз чекисты устраивали у него в доме обыски, были конфискованы все золотые вещи, включая наградные медали, в т. ч. и Нобелевская. 70-летний старик, чтобы проработать несколько часов в не отапливаемых помещениях в отделе физиологии ИЭМ вынужден был ходить пешком в институт, проходя в день расстояние в 20 вёрст. В результате в конце 1919 г. Павлов тяжело заболел пневмонией.

После выздоровления И. П. Павлов, находясь в обстановке, не способствующей научной работе, задумался о целесообразности покинуть страну, которую он горячо любил, но в которой в настоящее время не мог плодотворно работать. Он всё больше склонялся к мысли об эмиграции, и 11 июня 1920 г. он обратился в Наркомпрос с просьбой о предоставлении ему возможности выезда за границу: «Я хочу иметь в моём полном распоряжении плоды моей умственной работы, которая её идейной стороной, в виде научных результатов, и без национализации есть и будет полезна всем людям». В начале 20-х чисел июля 1920 г. управляющий делами Совнаркома РСФСР В. Д. Бонч-Бруевич, который ещё до революции был поверхностно знаком с И. П. Павловым, доложил В. И. Ленину о его просьбе и при этом подчеркнул, что Павлов обладает огромным авторитетом в научном мире. Ленин счёл отъезд учёного, отмеченного Нобелевской премией, недопустимым. Тем бо-

лее в Гражданской войне в это время наметился перелом, и победа Красной Армии была очевидной. Поэтому реакция на это обращение В. И. Ленина, всё больше внимания уделявшего мирному строительству, явилась важным моментом в научной политике молодого государства. 25 июля 1920 г. В. И. Ленин написал письмо председателю совнаркома Союза коммун Северной области и Петроградсовета Г. Е. Зиновьеву:

«Знаменитый физиолог Павлов просится за границу ввиду его тяжелого в материальном отношении положения. Отпускать за границу Павлова вряд ли рационально, так как он раньше высказывался в том смысле, что, будучи правдивым человеком, не сможет в случае возникновения соответствующих разговоров, не высказываться против Советской власти и коммунизма в России.

Между тем этот учёный представляет собой такую большую культурную ценность, что невозможно допустить насильственное удержание его в России при условиях материальной необеспеченности. Ввиду этого желательно было бы, в виде исключения, предоставить ему сверхнормативный паёк и вообще озаботиться о более или менее комфортабельной для него обстановке не в пример прочим».

Одновременно В. И. Ленин поручил В. Д. Бонч-Бруевичу письменно известить И. П. Павлова, что советская власть высоко ценит его заслуги и обеспечит всем необходимым.

В ответном письме Павлов сообщал: «Теперь скажите сами, можно ли при таких обстоятельствах, не теряя уважения к себе, согласиться, пользуясь случайными условиями, на получение только себе жизни, обеспеченной во всём, «что только не пожелаю, чтобы не чувствовать в моей жизни никаких недостатков» (выражение из Вашего письма)... И как бы при этом я мог бы заниматься моим научным делом? Вот почему после Вашего письма я прошу Вас поддержать мою просьбу. Однако Иван Петрович был уже готов к диалогу с новой властью. Вскоре он обратился к наркому здравоохранения Н. А. Семашко с просьбой вернуть реквизированные у него медали, и медали были ему незамедлительно возвращены. В августе 1920 г. И. П. Павлов обратился в Петроградский совет с просьбами об улучшении положения в его отделе и лаборатории — и они были удовлетворены.

В начале 1921 г. Иван Петрович встретил на улице своего коллегу-академика, теоретика кораблестроения, А. Н. Крылова, который также сильно бедствовал. Он уже слышал о постановлении, которое обязывало петроградские власти «организовать питание подопытных собак» и попросил «взять его к себе в собаки». «Вы умный человек, а такие глупости говорите», — возмущённо ответил И. П. Павлов.

Но после этой встречи Павлов отказался от предоставленных привилегий. В своём письме в Совнарком 9 февраля 1921 г. он сетовал на непонимание правительством главного в его просьбах. Иван Петрович писал, что он и его жена находят «для себя неприемлемым

быть в привилегированном положении сравнительно с нашими ближайшими товарищами». Своим письмом он стремился привлечь внимание не к своей личности, а к бедственному положению учёных и развитию науки в России. Во имя спасения родины Павлов требовал, чтобы деятельность учёного признавалась государством как одна из высших форм служения. Прочитав это письмо, В. И. Ленин сказал В. Д. Бонч-Бруевичу: «Да, он прав, совершенно прав, Он написал изумительно честно, и мы должны особо ценить таких людей. Сейчас же напишите ему, что правительство примет все меры к улучшению положения учёных».

Вскоре учёные Петрограда были обеспечены спецайками. Это облегчило совесть Ивана Петровича, а с другой стороны, укрепило его контроль над лабораториями и стало дополнительным стимулом для работы его сотрудников. И. П. Павлов решился на сотрудничество с новой властью и остался в России. Ведь он никогда не хотел покидать горячо любимую родину и начинать жизнь заново. Только сердечная боль по поводу происходящего в России, невозможность продолжать на родине свою научную деятельность, материальные лишения подтолкнули его к мыслям об эмиграции.

К середине 1921 г. «переговоры» между И. П. Павловым и большевистской властью определили контуры их взаимоотношений. На его лаборатории распространялись специальные привилегии, и он получал условия, необходимые для продолжения своих исследований на должном уровне. Оставаясь на родине, Павлов получил возможность руководить своими коллективами без вмешательства правительства. Многочисленные просьбы И. П. Павлова о специальном фондировании автоматически одобрялись Совнаркомом.

Иван Петрович, как и до революции, считал выделение средств на науку первейшим долгом государством и при этом полагал недопустимым беззакония со стороны государственной власти. Несмотря ни на что Павлов продолжал открыто и бескомпромиссно критиковать большевиков, считая, что подобное поведение — дело его чести. Он не поступился убеждениями и остался свободомыслящим диссидентствующим учёным. В 1921 г., только что получив привилегированный статус, И. П. Павлов выступил с резкой критикой советского руководства в связи с гонениями на курсантов Военно-медицинской академии — выходцев из семей духовенства и заявил о возможной отставке из академии.

В первой лекции осеннего семестра 1923 г. на кафедре физиологии ВМА он подверг резкой критике брошюры Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского «Азбука коммунизма» и Н. И. Бухарина «Пролетарская революция и культура». В начале лекции Иван Петрович как истинный патриот сказал: «Господа, может быть вы теперь переделались в интернационалистов, но я был и остаюсь русским человеком, сыном родины, её жизнью прежде всего интересуюсь, её интересами живу, её достоинством укрепляю своё достоинство». Далее он сообщил, что, будучи в довольно длительной командиров-

ке в Европе, не увидел там «того, что бы указывало на возможность мировой революции». В конце лекции, по воспоминаниям тогдашнего студента А. П. Быстрова, И. П. Павлов заявил, что он возмущён «прочитав в этой «Азбуке» фразу, в которой буржуи, торговцы, попы ... и профессора были названы ... разбойниками ... Я, проработавший в лаборатории 50 лет, ... я разбойник?».

В 1924 г. Павлов выступил в здании бывшей городской думы с публичной лекцией «Несколько применений новой физиологии мозга к жизни», в которой развил свои представления о «рефлексе свободы» преимущественно в социальном аспекте. Описывая свои наблюдения за собакой, у которой продолжительный голод подавил так называемый «рефлекс свободы», Иван Петрович сказал, что диктатура пролетариата сопровождается терроризмом, и это может привести к трагическим последствиям. Он подчеркнул: «террор, да ещё в сопровождении голода совершенно подавляет рефлекс свободы, нация будет забита, рабски принижена». В том же 1924 г. он принял окончательное решение об отставке из Военно-медицинской академии в связи с исключением из академии курсантов — детей духовенства. И. П. Павлов прекратил работу на кафедре и направил в Наркомвоенмор СССР написанное в саркастическом тоне письмо, в котором просил уволить его из академии в первую очередь как сына священника.

В 1928 г. И. П. Павлов демонстративно вышел из состава Комиссии АН СССР по выдвижению новых академиков. Он отправил в Совнарком и Президиум академии письмо, в котором заявлял: «Я считаю своим долгом обратить Ваше внимание на важную черту приближающихся выборов в Академию наук. Впервые в истории нашей Академии, насколько мне известно, государство перед выборами заявляет о желательности избрания тех или иных кандидатов. ... Мне кажется, что это оскорбляет достоинство Академии и ляжет тяжёлым грузом на совесть академиков. Было бы справедливее, если бы государство прямо назначило в Академию лучших с его точки зрения людей». А в письме в Совнарком СССР от 17 октября 1928 г. Иван Петрович писал: «Образованные люди превращаются в безмолвных зрителей и исполнителей. Они видят, как беспощадно и большей частью неудачно перекраивается вся наша жизнь до дна, как громоздится ошибка на ошибке, но они должны молчать и делать только то, что приказано. Даже мы, люди науки, признаны некомпетентными в нашем собственном деле и нам приказывают в члены Высшего научного учреждения (Академии наук) избирать людей, которых мы по совести не можем признать за учёных». После этого инцидента Иван Петрович до конца жизни не посетил ни одного Общего собрания Академии наук СССР.

В конце 1929 г. в Советском союзе широко отмечалось 100-летие со дня рождения крупнейшего отечественного физиолога И. М. Сеченова. На торжественном заседании, посвящённом этой дате, И. П. Павлов, обращаясь к портрету покойного юбиляра, сказал:

«Мы живём под господством жестокого принципа: государство — всё, личность обывателя — ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда — всё в руках государства. А у обывателя только беспрекословное повиновение. Естественно, господа, что всё обывательство превращается в трепещущую массу, из которой не часто доносятся вопли: «Я потерял или потеряла чувство собственного достоинства, мне стыдно самого или самой себя». На таком фундаменте, господа, не только нельзя построить культурного государства, но на нём не могло бы держаться долго какое бы то ни было государство.

Без Иванов Михайловичей, с их чувством достоинства и долга, всякое государство обречено на гибель изнутри, несмотря ни на какие Днепрострои и Волховстрои. Потому что государство должно состоять не из машин, не из пчёл и муравьёв, а из представителей высшего вида животного царства».

А в 1931 г., когда в СССР широко развернулась антирелигиозная пропаганда и уничтожались культовые объекты, И. П. Павлов с душевной болью в сердце писал, обращаясь в Совнарком: «Ломать всё русское — мучает меня, как и других, тоже чувствующих. Не может быть, чтобы уничтожение памятников великого русского народа оставило русское сердце почти нетронутым. Как можно без ломки русского сердца снести уничтожение величественного памятника двенадцатого года — Храма Спасителя. А теперь только что услышал — собираются рушить Троицкий собор в Ленинграде, огромную деревянную церковь, где молился Пётр Великий, чрезвычайно русская личность. Кажется, если я не ошибаюсь, она горела, но восстановлена на том же месте в совершенно прежнем виде. Всё равно, — единственный памятник. Голландия, чужая страна, бережёт до сих пор домик, где работал Пётр Великий...».

В 1933 г. было завершено строительство научно-го детища И. П. Павлова — лабораторного комплекса биостанции Института экспериментальной медицины в Колтушах. Общее наблюдение за ходом строительства осуществлял первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Киров. По желанию Павлова вскоре на территории биостанции была построена и освещена небольшая церковь. Иван Петрович, воспитанный в религиозном духе и пронесший своеобразную веру в Бога через всю жизнь, добился этого несмотря на разгул воинствующего атеизма.

После убийства в Ленинграде С. М. Кирова, к которому Павлов относился весьма уважительно, и начавшейся волны репрессий Иван Петрович писал в Совнарком СССР: «Мы жили и живём под неослабевающим режимом террора и насилия. Наша обывательская действительность со всеми ежедневными подробностями — это ужасающая картина, потрясающая впечатление, от которых у настоящих людей едва ли бы значительно смягчилось, если бы рядом с ней поставить и другую нашу картину с чудесно как бы

вновь вырастающими городами, днепростроями, гигантами-заводами. Когда первая картина занимает моё внимание, я всего более вижу сходство нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. А у нас это называется республиками».

Однако в середине 1930-х гг. позиция И. П. Павлова несколько изменилась. Видя существенные достижения социализма в хозяйственной сфере и укрепление могущества государства, он стал более лоялен по отношению к новой власти. Так, в ответ на поздравление в связи с 85-летием в сентябре 1934 г. Иван Петрович писал: «Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мои силы, прежде всего моему отечеству, нашей российской науке. И это есть и сильнейшая потребность и глубокое удовлетворение».

А в начале лета 1935 г. Павлов в интервью корреспонденту «Известий», говорил: «Хочется долго жить, потому что небывало расцветают мои лаборатории в

Колтушах. Советская власть дала миллионы на мои научные работы, на строительство лабораторий. Хочу верить, что меры поощрения работников физиологии — а я же остаюсь физиологом — достигнут цели и моя наука особенно расцветёт на родной почве. Советская власть даёт чрезвычайные средства для науки. Я бы хотел только, чтобы органы, руководящие научной работой, больше берегли эти народные средства, осторожнее, с большим выбором расходовали их на некоторые недостаточно проверенные изобретения».

А в конце 1935 г. уже больной Павлов обратился к советской молодёжи с открытым письмом, полным гражданского пафоса, в котором писал: «Помните, что наука требует от человека всей его жизни. И если бы у вас было бы две жизни, то и их бы не хватило вам. Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека. Будьте страстны в вашей работе и ваших исканиях!»

Сохранение природы и истоки культуры

Под таким названием в Киото, Япония 13—16 декабря 2008 года пройдет Международная конференция, организуемая Президиумом Международной академии наук (Здоровье и Экология) и Японской секцией МАН. В Оргкомитет Конференции вошли известные ученые К. Такешита, В. Кофлер, Ю. Вакай, К. Карасава, М. Ичикава, Сун Ксин.

Термин «Устойчивое развитие» принят как международный слоган, касающийся мер по сохранению природы. Его значение касается защиты глобальной окружающей среды, то есть, устойчивости мировых экосистем против деятельности человека. Как устойчивое развитие, так и воспроизводство природных ресурсов кажутся вполне убедительными лозунгами, если мы рассматриваем человеческую деятельность как разрушающую природу до предела, когда восстановление уже невозможно.

Однако достижения в области устойчивого развития окружающей среды не означают только предотвращение сверх эксплуатации природных запасов и беспорядочного освоения земель. Такие проблемы как изменение климата и разрушение озонового слоя земли учат нас тому, что обычная деятельность человека в нашей повседневной жизни ведет к разрушению этой стабильности и что проблемы окружающей среды невозможно решить, пока мы не изменим свой стиль жизни. А это не может произойти только при изменении нашего мышления.

Nature Conservation and Cultural Background The Kadota Fund International Forum 2008 (KIF 2008)

December 13—16, 2008

Kyoto International Conference Center, Kyoto, Japan

KIF 2008 secretariat:

с/о AC Planning, 406 Murakami-cho,

Fushimi-ku, Kyoto 612-8369, Japan

Phone: +81-75-611-2008. Fax: +81-75-603-3816.

E-mail: kif2008@acplan.jp

Девизом конференции Оргкомитет предложил японское слово «Mottainai», что означает природосообразное психическое восприятие мира и места человека в нем, унаследованное с древних веков и которое подтверждает, что природный дух превалирует на Востоке пока идут поиски контрмер, основанных на этом духе взаимопроникновения человека и природы в отношении современной ситуации с природными ресурсами.

Использованию принципов «Mottainai» в жизни современного человека учат доктрины Буддизма, например: «Учись быть довольным», которые можно найти в словах Шахьямини, в учениях монаха Догена, в принципе «честной бедности». Китайский философ Лао Цзы оставил нам афоризм «довольный разум — вечный разум». Только на основе восточной мудрости «Mottainai» в отношении сохранения природы и восточного сознания глобальная окружающая среда может быть устойчивой.

На симпозиуме организаторы в первую очередь хотели бы обсудить проблему лесов как конкретный пример естественных ресурсов, однако и другие аспекты проблемы сохранения природы будут предметом дискуссий в рамках парадигмы и духа «Mottainai».

В рамках проведения конференции запланировано также проведение очередного заседания Президиума МСНР, Международной академии наук (Здоровье и Экология).

**Оргкомитет Конференции,
Президиум МСНР/МАН**